

Афродисийский в сочинении, озаглавленном «О Нусе, то есть об уме, о Боге и первоматерии» («De Noi, hoc est de mente, et Deo et materia prima»). Заглавие и в самом деле многообещающее, его не выдумал Альберт Великий, однако не известно ни одного произведения с таким заглавием и достоверность подобной информации проверить невозможно.

Творчество Давида Динанского представляет собой старый латинский платонизм, кое-что заимствовавший из Аристотеля в трактовке Александра Афродисийского и из учения последнего о человеческом интеллекте как о чистой потенциальности (*intellectus materialis*). Ни у Давида, ни у Амальрика Венского нет никаких следов арабского влияния. Однако недавно было обнаружено весьма любопытное произведение (М.-Т. Альверни), где мешанина из элементов арабской философии усложнена чисто религиозным элементом. В анонимном трактате, датируемом, по всей вероятности, концом XII века и происходящим из Испании, мы читаем о путешествии душ после смерти: души избранных поднимаются от совершенства к совершенству и от интеллигенции к интеллигенции вплоть до Бога, а души отверженных опускаются по ступеням страданий и проходят в обратном порядке ряд сфер вплоть до заключения во мрак ада. Каковы бы ни были источники этого мифического повествования, оно очевидно навеяно некоторыми философскими идеями из «Книги о причинах» («*Liber de Causis*»), переведенной Герардом Кремонс-ким (между 1167 и 1187), и следовательно, идеями Прокла, а также из «Источника жизни» («*Fons vitae*») Гебириля. Автор безуслов-

но христианин — не только потому, что его творение изобилует цитатами из Священного Писания, но и потому, что он открыто провозглашает догмат Святой Троицы. Можно даже добавить, что, будучи христианином, он внимательно всматривается в бытие: в одном его высказывании отношение твари и Творца отождествляется с авиценновским отношением возможного и необходимого, однако автор, возражая Авиценне, тут же уточняет, что Бог сотворил все сам без каких-либо посредников; таким образом, уже в 1180—1200 гг. он избежал заблуждения, осужденного Этьеном Тампье в 1277 г. Ибо Бог — не только чистый Свет, Он еще и «*necessarium in fine necessitatis, et quicquid est post ipsum habet aliquid de possibilitate et contingentia, sed ipse non, et est producens quicquid est ex se, nullo mediante, vel alio*»**. Но в конце своего трактата тот же самый христианин преспокойно пишет, что десять всеобщих блаженств и десять всеобщих несчастий, о которых он только что говорил, были известны—ив этом он безусловно убежден («*ut vehementer credo*»***)—просвещенным Богом законодателям; вот их имена: «*legumlatores justi, sapientissimi, alios salvare curantes, super quos cecidit lumen Dei et ejus cognitio et ejus verbum super linguas eorum, sicut Moyses et Mahometh et Christus qui fuit potentior his duobus et sermone virtuosior*»****. Несмотря на предпочтение, отданное Христу, фраза звучит странно. Она вызывает в памяти образ Михаила Скота*****, который будет переводить Аверроэса в Палермо после того, как переведет Аристотеля в Толедо. Придворный астролог императора Фридриха II, он, возможно, не был бы смущен подобным синкретизмом. Так или иначе, факт остается фактом, и нет лучшего свидетельства тому, насколько глубоко проникло влияние арабской философии в определенные христианские круги к 1200 г.

Неизбежный конфликт между арабской философией и христианской теологией произошел в начале XIII века в только что основанном Парижском университете. В 1200 г. все преподаватели и студенты кафедральных